

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

**Сборник статей
XXIII Международной научной конференции
21–24 октября 2012 г.**

Отв. ред. С.К. Гураль

Томск
2013

Таким образом, однокорневая лексика германских и индоевропейских языков восходит к и.-е. *med- ‘измерять’: ‘соизмерять (обстоятельства)’ → ‘(соизмеряя) мочь’ → ‘иметь возможность’ и далее ‘не иметь возможность’ → ‘быть вынужденным что-л. делать’. То есть, функционально-грамматическая специфика современного müssen объясняется, с одной стороны, динамикой предмодального значения глагола, с другой стороны – влиянием процесса грамматикализации глагола в конце древневерхненемецкого – начале средневерхненемецкого периода (употребление в отрицательных конструкциях), а также формированием нового уровня культуры, социума. Исторически обусловленные этнокультурные, социальные изменения, наряду с собственно языковыми процессами, также косвенно оказывали влияние на изменение модальной семантики глаголов в конце древневерхненемецкого – начале средневерхненемецкого периода. Диахроническое исследование на материале немецкого языка с историко-культурной точки зрения показало позднее языковое осмысление возможного, желаемого, должного носителем немецкого языка. Та картина, которую мы наблюдаем в этот период времени, является результатом глубочайших изменений в мировоззрении людей и важных по своему значению процессов социального развития, связанных с христианизацией практически всех сфер жизни человека и исторически более ранних этнокультурных контактов: ср. глагол müssen - кельто-германская лексическая изоглосса (‘мерить’, ‘судить’ и ‘быть способным’, ‘мочь’), dürfen - германо-славянская (‘терзать, мучить’ → ‘требовать(ся)’ → ‘требуется, потребно, нужно’; то, что ‘теребит, мучает’, то и ‘хочется, требуется’), mögen – влияние этнокультурных контактов германцев с балтами (‘мочь (физически)’ ~ ‘желать’) [2. С. 17–18].

Итак, в данном исследовании была предпринята попытка доказать обусловленность семантического «дрейфа» лексических единиц поля модальности как особенностями глубинной семантики, так и, вероятно, историко-культурными контактами.

Литература

1. Müller R., Reis M. Modalität und Modalverben im Deutschen. Hamburg : Helmut Buske Verlag, 2001. 321 s.
2. Балакина А.А. Механизм формирования функционально-грамматической специфики лексического поля модальности (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 21 с.
3. Duden. Das Bedeutungswörterbuch / W. Eckey, J. Folz, H. Hartmann. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1993. Bd. 10. 797 s.
4. Paul H. Deutsches Wörterbuch / Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes. 10. überarb. und erw. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 2002. 1243 s.
5. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen (EWD) / W. Pfeifer etc. 1–2 Bde. Berlin, 1993. Bd. 1–2.
6. Льюис Г., Педерсен Х. Сравнительная грамматика кельтских языков. М. : Едиториал УРСС, 2002. 512 с.
7. Macbain A. Etymological Dictionary Of Scottish-Gaelic. Hippocrene Books, 1998. 416 p.

М.А. Барсанова

Томский государственный университет

КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД АНАЛИЗА КОНЦЕПТА «ЦАРЬ» В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

В российском культурном сознании присутствует двойственность отношения к власти, в соответствии с которой положительный образ «доброго царя» всегда сочетался с негативным отношением к конкретным представителям власти. В связи с этим возникает задача выработки лингвистического подхода к анализу образа власти в русской культуре. Взаимоотношение между языком и картиной мира предполагает анализ языковых форм выражения для решения задачи данного исследования: выявления специфики восприятия в российском культурном сознании образа государственной власти и ее носителей. Культурно-семиотический подход позволяет выявить не только семантическое значение языковых форм, но и способ их прочтения человеком в определенной историко-культурной ситуации. Данный подход был реализован в тартуской семиотической школе, наиболее выдающимися представителями которой являются Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский.

Культурно-семиотический подход открывает возможность понимания образа государственной власти и ее носителей в системе коммуникации людей, которые составляют общую культурную традицию. В соответствии с этим подходом власть и ее носители представлены как семиотическая система,

т.е. как текст, который может быть прочитан. При этом он по-разному может читаться современным человеком и самим участником культурного процесса, к которому обращен способ выражения власти в определенной культурной ситуации. «Такой подход предполагает, в свою очередь, – пишет Б.А. Успенский, – реконструкцию системы представлений, обуславливающих как восприятие тех или иных событий, так и реакцию на эти события. В семиотической перспективе исторический процесс может быть представлен, в частности, как процесс коммуникации, при котором постоянно поступающая новая информация обуславливает ту или иную ответную реакцию со стороны общественного адресата (социума)» [1. С. 10]. Благодаря этой реконструкции реализуются эвристические возможности культурно-семиотического подхода, открывающие путь к пониманию того, как именно разные субъекты определенных исторических ситуаций предшествующих исторических периодов могли воспринимать образ власти, в чем состояло различие их пониманий, и почему это различие порой приводило к конфликтам и острейшим социальным кризисам.

В соответствии с культурно-семиотическим подходом образ власти рассматривается не сам по себе, а как такая знаковая система, которая всегда имеет своего адресата. Поэтому она может по-разному трактоваться с позиции субъекта, стремящегося передать через форму выражения власти какой-либо смысл, и с позиции адресата, определенным способом интерпретирующего эту форму выражения. Благодаря этому все образы и символы власти обретают смысл в коммуникации между субъектом послания и его адресатом. Правильный способ прочтения этого послания с позиции участников коммуникации позволяет раскрыть значимость государственной власти и специфику ее восприятия не только с нашей современной позиции, но и с позиции людей, живших совсем в другую эпоху.

Такой способ понимания власти становится возможен на основе предложенной Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским интерпретации культуры как семиотического процесса. В общем пространстве культуры разные участники коммуникации могут пользоваться различными семиотическими языками. Единство культурной традиции достигается за счет взаимопонимания между разными языками, что предполагает наличие утвердившихся в традиции способов перевода с одного языка на другой, например, с языка высших сословий на язык простых крестьян. Различные субъекты коммуникации будут совершенно по-разному воспринимать государственную власть, несмотря на то, что эта власть может выражаться для них в одних и тех же лингвистических и других символических формах. Собственно, как считают представители тартуской школы, культурная традиция определяется способами перевода и фильтрами понимания различных семиотических систем. Единое культурное пространство обеспечивается не общезначимой семиотической системой, а коммуникацией и взаимопониманием, обеспеченными способами перевода с одних семиотических систем на другие. Поэтому способ восприятия власти не может быть общезначимым даже в отдельно взятой культурно-исторической ситуации, все равно он будет прочитываться и интерпретироваться по-разному различными участниками культурного процесса.

По мнению Б.А. Успенского, культура представляет собой наследственную память народа, которая фиксируется и выражается в семиотической системе языков: «исторический процесс предстает как процесс порождения новых «фаз» на некотором «языке» и прочтения их общественным адресатом (социумом), которое и определяет его ответную реакцию. Соответствующий «язык», с одной стороны, объединяет данный социум, позволяя рассматривать социум как коллективную личность и обуславливая более или менее одинаковую реакцию членов социума на происходящие события. С другой же стороны, он некоторым образом организует самую информацию, обуславливая отбор значимых фактов и установление той или иной связи между ними: то, что не описывается на этом «языке», как бы вообще не воспринимается общественным адресатом, выпадает из его поля зрения» [1. С. 10]. Язык у Б.А. Успенского так же, как и у Ю.М. Лотмана, понимается предельно расширительно. В частности, в качестве текста, который может быть прочитан на семиотическом языке культуры, могут выступать не только письменные источники или символические системы ритуалов и обрядов, но даже сами исторические события: «В качестве кода выступает при этом некоторый «язык» (этот термин понимается сейчас, конечно, не в узком, лингвистическом, а в широком, семиотическом смысле), определяющий восприятие тех или иных фактов, как реальных, так и потенциально возможных, в соответствующем историко-культурном контексте. Таким образом, событиям приписывается значение: текст событий читается социумом. Можно сказать тогда, что в своей элементарной фазе исторический процесс предстает как процесс порождения новых фраз на некотором «языке» и прочтения их общественным адресатом (социумом)» [1. С. 50]. Хотя представители тартуской школы понимают язык предельно широко, это широкое понимание включает в себя и естественный язык. Это означает, что культурно-семиотический подход применим не только к культуре в самом широком смысле, но и к языковой картине мира носителей этой культуры, существенно обогащая возможности лингвистических исследований и связывая

их с исследованиями философскими. Применительно к анализу образа власти и ее носителей в русской языковой картине мира культурно-семиотический подход позволяет анализировать различие понимания слов, обозначающих государственную власть и ее формы с позиции представителей различных социальных слоев в те или иные периоды истории России. Иными словами значение слов необходимо рассматривать с позиции внутреннего понимания самих участников исторических событий, выделяя наиболее значимые для них смысловые аспекты. Например, для одних царь обозначает мифологического персонажа, для других – должностное лицо, для третьих сакрализованное место в социальном устройстве, и т.д. Таким образом, в рамках культурно-семиотического подхода в историческом контексте может быть раскрыто не одно какое-либо предельное понимание, но внутренне взаимосвязанное многообразие различных способов понимания. Это позволяет избежать лингвистического редукционизма, согласно которому выявленная лингвистическая форма концепта власти для определенного исторического этапа России утверждается как образцовая без учета различных способов ее понимания разными участниками данного исторического события.

В соответствии с культурно-семиотическим подходом Б.А. Успенский рассматривает сакрализацию монарха на протяжении истории России как семиотический процесс. Б.А. Успенский подчеркивает, что с определенного момента отношение к монарху в России приобретает религиозный характер. В связи с этим он задается вопросом, является ли данная традиция для России исконной или новой и как она соотносилась с христианской религиозностью.

В рамках культурно-семиотического подхода любое слово, обозначающее монарха, рассматривается в соотношении с другими семиотическими формами его обозначения в контексте социокультурной ситуации с учетом специфики восприятия разными адресатами. Благодаря этому выяснилось, что слово «царь», сохраняя закрепленное за ним базовое значение, подвергается смысловым трансформациям с каждым изменением социокультурной ситуации. Эти тонкости смысловой трансформации Б.А. Успенский прослеживает с момента зарождения Московского царства и до заката Российской империи. В древнерусских произведениях преобладает идея параллелизма монарха и Бога, но идея обожествления монарха еще отсутствует. С момента падения Константинополя на монарха переносятся качества византийского василевса, что вносит новый смысловой аспект в уже имеющее место значение слова «царь». При этом разные адресаты могут вкладывать в это слово разный смысл. Иван Грозный считал, что власть имеет божественную природу, а потому не подлежит человеческому суду. Иосиф Волоцкий полагал, что не всякий царь получает власть от Бога, но только праведный. Поэтому статус царя можно поставить под сомнение, но не в правовом смысле, а в религиозно-онтологическом. Специфика понимания царя в русской традиции состоит в том, что она соединяет черты западноевропейской традиции, отсылающей к личной харизме правителя, и византийской традиции, в которой сакральность царя определяется его статусом. Смысл монарха как царя единственной православной державы в мире тесно связан с концепцией «Москва – Третий Рим», однако и тут прослеживается определенная трансформация смысла. Если сразу после Флорентийского собора эта концепция формировалась на основе изоляционизма и противопоставления грекам, то уже в эпоху воцарения династии Романовых – на основе идеи вселенской православной империи и искусственной реконструкции византийской традиции на русской почве. Вместе с тем именно в этот период происходит столкновение двух разных семиотических систем – традиционной для России и характерной для Юго-Западной Руси, сформировавшейся под влиянием Запада и Византии. Игра смыслов, сопутствующих слову царь и образу монарха в одной из систем воспринималась как фигуральность выражения, в другой – как ложь и святотатство. Это противоречие породило в России острый социальный конфликт. В имперский период происходит слияние на русской почве двух традиций понимания монарха – протестантской, в которой король мог быть одновременно и главою церкви, и византийской, в которой василевс занимал исключительное место в иерархической системе священных символов. Этот сплав привел к новому явлению – сакрализации монарха, выходящей за пределы допустимого христианской традицией.

Литература

1. Успенский Б.А. История и семиотика // Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М. : Гнозис, 1994.